

Торланбаева К.У.
докторант Института востоковедения им.
Р.Б. Сулейменова МОН РК

Страна Аргу в истории средневекового Казахстана

Талас находился в центре Западного Семиречья, на периферии кочевой степи и оседло-земледельческих территорий. Он соединял торговые пути в различных направлениях, являлся центром взаимовлияния кочевнических и земледельческих культур. Как справедливо заметил К.А. Акишев: «Необходимо подчеркнуть, что подобный синкретизм не был явлением искусственного насаждения в результате военных действий или колонизаторской деятельности, а был единственно возможным, естественным направлением экономического и культурного развития общества» (Акишев К.А., 1967, с. 68). Талас также стал и культурным центром, местом перекрещения многих религиозных учений и верований.

До арабского завоевания народы Центральной Азии наряду с верованиями местным божествам имели также представления и о мировых религиях: зороастризме, манихействе, буддизме и христианстве. Великий Шелковый путь стал важным каналом распространения мировых религий в среду кочевых тюркских племен. Миссионерская деятельность согдийцев и средневековых персов была одной из основных каналов распространения конфессиональных учений. Проникновение мировых религий в тюркскую среду стало результатом приобщения их к мировым культурным ценностям.

Для тюркского времени Талас был известен как центр тюркского манихейства, повлиявшего на многие стороны жизни тюрков не одного поколения (Зуев, 2002; Кляшторный, 1992, с. 353). Это можно прояснить при рассмотрении названия Аргу-Талас.

Появление тюркского манихейства явилось результатом тесных экономических и культурных связей ранних тюрков с Ираном. Учение Мани распространилось в странах

от берегов Средиземного моря до Тихого океана еще в начале средних веков. Применительно к времени после арабского завоевания и сопутствовавшего ему внедрения ислама в завоеванных странах Абу Рейхан Бируни писал тысячу лет назад: «У Мани остались последователи, рассеянные в различных местностях, [вероучение] которых возводят к нему. В странах ислама нет почти ни одного места, где бы они были сосредоточены; существует только община в Самарканде. Что же касается всемусульманского [мира], то веру Мани и его учение исповедуют большинство восточных тюрков, обитатели Китая, Тибета и части Индии» (Бируни, 1957, т. I, с. 213). Манихейская проповедь шла вместе с купцами, ремесленниками и миссионерами вдоль всего протяжения Великого Шелкового пути, его многочисленных дорог и троп. На сегодняшний день исследователи признают его большое место в историко-культурной жизни многих народов, ставшего действительно одной из мировых религий средневекового периода истории.

Согласно учению Мани, в мире всегда существовала одна истина – Свет, которую локально возвещали три великих апостола – Будда на востоке, Заратуштра в Иране, Иисус Христос на западе. В локальности этих вероучений заключалась их недостаточность и ущербность. Свет же истины, несомый Мани, абсолютен, целостен, ничем не затемнен, совершенен и пространственно универсален. С позиции новой доктрины в манихейском вероучении присутствует все рациональное и приемлемое из названных религий, учитывается существование наиболее значимых местных культов, которые вводились в манихейские религиозные сюжеты. Поэтому, куда бы не приводила миссионерская проповедь манихеев, везде она в своих целях ориентировалась на местные верования и культы, манихейство стремилось приспособиться к формально господствующей там религии, при этом оставляя неизменной концепцию своего учения (Габен, 1986). Манихейство рассматривается как система теософического синкретизма, привлекательной чертой которой становилась демократичность и мифологичность изложения канонических представлений учения. Не случайно сам пророк Мани говорил: «Вера моя ясной бывает в каждой стране и на любом языке и распространяется в далекие страны» (цит. Луконин, 1969, с. 74). Распространяясь в различных странах, манихейство «одевалось» в одежды тех верований и религий, которые уже существовали среди народа. Мани стремился к созданию универсальной религии, утверждалось превосходство нового учения, однако избранный метод включения в доктрину всего приемлемого постепенно приводил к растворению манихейства, его неузнаваемости. Например, приобретя сильные позиции в оазисных государствах Восточного Туркестана, манихейство приняло

буддийские символы, а, распространяясь среди христиан несторианского толка, манихейство приняло их символы и названия святых. По мнению Л.Р. Кызласова, древние саяно-алтайские тюрки после прихода к ним манихейского вероучения не остались «обычными шаманистами», а, приняв манихейство, они стали «сибирскими манихеями», потому что здесь манихейство, «подчиняясь своей природе синкретического развития и приспособления, впитало в себя и видоизменило местные южносибирские шаманистские культы» (Кызласов, 1999, с. 39).

Возникновение манихейства относится к III в. и связано с Вавилонией. Еще при жизни Мани его учение достигло Сирии, Палестины, Египта, Малой Азии. Проповедь самого Мани слышали в Индии и Кашгаре. Его ученик мар Аммо обращал в новую веру жителей Абаршахра (Нишапура), Мерва, он побывал в долине Окса (Амударья), где основал манихейскую общину. В Сасанидский Иран манихейство проникло в верхние эшелоны шахской власти. В день коронации Шапура I Мани преподнес ему «Книгу Шапура» (Шапуракан), в которой было изложено учение Света (манихейство).

Считается, что сам Мани написал семь книг своего учения на восточноарамейском языке, только «Шапуракан» является единственным сочинением, написанным на среднеперсидском. Содержание многих книг сохранилось фрагментарно в нескольких группах письменных источников, это турфанские, коптские фрагменты манихейских книг, изложение манихейского учения служителями восточной и западной церкви, свидетельства мусульманских авторов. Цитаты из «Шапуракана» имеются у арабоязычных авторов, например, у Абу Рейхана Бируни. Большая коллекция манихейских фрагментов была обнаружена в ходе нескольких экспедиций в Турфан (Восточный Туркестан). Среди находок имеются тексты на среднеперсидском, уйгурском (тюркском), согдийском, китайском, парфянском, бактрийском языках (Литвиникий, Смагина, 1992, с. 508. 518-521).

Одной из наиболее известных сочинений манихеев на древнеуйгурском языке является «Хуастуанифт». Эта покаянная молитва для широкого круга слушателей была переведена с одного из древнеиранских языков в целях распространения учения среди тюркского населения. В тексте сочинения даются представления о концепции манихейства, борьбе сил Света и Тьмы, звучат призывы об освобождении от грехов, разворачиваются некоторые элементы космогонического мифа, даются представления о сущности человеческой души (Дмитриева, 1963; Clark, 1998, с. 89, 98-101). Миссионерская проповедь, достигнув Египта, оставила еще одно из своих важнейших сочинений – «Кефа-

лайя» (Главы). Это обширный трактат, написанный на коптском языке, который дает представления о концепции учения, раскрывает его сущность. В сохранившихся манихейских фрагментах общая концепция учения сохраняется, но тексты содержат знакомые для слушателей той или иной страны имена святых и божеств и связанные с ними символы и элементы (Хормузт, Зерван, Будда, Иисус, крест). Эти два сочинения были специально написаны для проведения миссионерской деятельности на основе оригинальных произведений Мани.

Однако, несмотря на множество сочинений, переведенных на различные языки, миссионерская деятельность манихеев везде встречала активное противодействие со стороны представителей местных религий. В Иране, где традиционный зороастризм был сильно потеснен учением Мани, оно было особенно ощутимым. В назидание всем последователям нового учения Мани был жестоко казнен: с него живым содрали кожу, а отрезанную голову выставили на шесте для всеобщего обозрения. Результатом гонений был уход манихеев из Сасанидского Ирана и перемещение их деятельности в область на севере и востоке. По мнению В.Н. Топорова, в сильно трансформированном виде следы манихейского учения можно обнаружить через иранское культурное влияние в мифологических сюжетах кетского, угорского, тюркского и монгольского преданий (Топоров, 1981, с. 159-160). Манихейская религия заняла прочные позиции в Согде, именно согдийские купцы были главными миссионерами, проповедавшие учение среди тюрков. По мнению Н.В. Дьяконова, манихейские сюжеты наблюдаются по храмовой живописи Пенджикента (Дьяконов, 1954). Манихейство имело статус государственной религии в некоторых оазисных княжествах Восточного Туркестана. В 762-763 гг. уйгурский правитель Бёгю-каган встретился с манихейскими проповедниками, после чего уйгуры приняли манихейство в качестве государственной религии. О принятии манихейства уйгурами говорится в китайской версии Карабалгасунской надписи: «Жуй-си и других – всего четырех монахов, /Бёгю/ привез в свое государство. Они распространяли две кумирни, проникали в три предела. Наставники закона Мани сокровенно достигли святых ворот, овладели семью разделами. Их таланты превосходили моря и горы. Их красноречие было подобно падающей с небес реке. Поэтому они смогли открыть уйгурам праведное учение. /Они/ отвергли мясную пищу, молочные продукты ввели в правило. Этим они установили большие заслуги. Тогда /им/ сказали: «Вы соединили всю возможную благодать». В это время тутуки, чигши, внутренние и внешние министры, сыма – все доложили: «Ныне раскаиваемся в прежних грехах, по-

чтительно служим праведному учению. Принимаем указ и объявляем /его/» ... и приняли учение света» (Камалов, 2001, с. 195). В 758 г. уйгурскому Элетмиш Бильге-кагану удалось разбить енисейских кыргызов, однако кыргызы сумели сохранить известную самостоятельность, поддерживали близкие связи с карулуками и тебетцами. В целях упрочения уйгурского господства над кыргызами разворачивается строительство крепостей и селений, на средний Енисей продвигаются согдийские купцы, ремесленники, строители и миссионеры. По утверждению Л.Р. Кызласова манихейское мировоззрение отразилось в енисейских надписях на камне, в архитектуре храмов, отличительные черты которых носили астральные сюжеты манихейской доктрины. Более того, манихейство приобрело у кыргызов государственный статус (Кызласов, 1998, с. 32-33; Кызласов, 1999, с. 11-41). Кыргызский каган в китайских текстах назывался каганом Света (Зуев, 2002, с. 250, 255). В Римской империи в III–начале IV веков манихейское учение получило распространение в крестьянской и городской среде. Заимствовав некоторые положения из раннего христианства, учение Мани выступило как одна их форм христианской ереси (Кац, 1955, с. 168-179). В Китае манихейство тоже подверглось гонению, но просуществовало вплоть до XIV века в сильно трансформированном буддизмом облике.

Манихейское учение базировалось на трех неизменных составляющих: учении о дуализме, космогоническом мифе и учении о душе. Манихейство – синкретическая религия, основным принципом которой был всеобъемлющий, универсально-последовательный дуализм. Дуализм составлял основу многих религий, но в манихейском вероучении он получил логически непротиворечивую и сложную картину всего представления о духовной и материальной сущности мироздания.

Для кочевых тюркских народов на контрастирующем дуализме двух основ Тенгри (Небо) и Ыдук Йер-Суб (священная Земля Вода и Ночное Небо) основывались представления о космосе и государстве. Это видение основ тюркского мироздания отражены в камнеписных рунических надписях Кюль-Тегина, Бильге-кагана, Элетмиш-кагана и др. (Малов, 1951, с. 28, 36; Кляшторный, 1980, с. 90-92). Божество Тенгри – ипостась небесного, верхнего начала тюркской Вселенной. Верховное божество тюрков Тенгри (Небо, Солнце, бог) имел некоторые антропоморфные черты, мог говорить, давать указания, но в целом он обладал обликом Утреннего голубого неба в лучах восходящего Солнца. Недаром к восходу Солнца был обращен вход в каганскую ставку, а сам каган считался его эманацией на земле. Обязательным ритуалом для тюркских каганов был обход вокруг юрты по направлению солнца. Ыдук Йер-Суб олицетворяла земное, нижнее начало ми-

рождения, священные образы земли и воды, духи, окружающие человека. С этими же божествами ассоциировались Солнце и Луна, главные астральные образы кочевников. Дуалистические верования тюрков стали той благодатной почвой, в которой манихейство наиболее последовательно и непротиворечиво проявило себя.

Согласно манихейскому вероучению, мир изначально состоял из двух основ Света и Мрака, которые находились совершенно изолированно друг от друга. Однако из-за зависти и злобы силы Мрака затеяли войну против Света Живого. Пять стихий-воинов (тюрк. *oγlan*) Света (бог лёгкого ветра *tintura tengri*, бог ветра живого *yel tengri*, бог света живого *yaγuq tengri*, бог воды *suv tengri*, бог огня *ot tengri*) под предводительством светящего Первочеловека вступили в битву со стихиями-антиподобиями (Кефалайа, 30, стк. 25-36).

Частицы Света и Мрака смешались, и был образован материальный мир Смешения – это мир человеческого общества. Поэтому сущность человека воспринимается состоящей из материального и духовного, темного и светлого, доброго и злого. Первостепенная задача сил Света заключается в осуществлении изначального разделения частиц Света и Мрака, тогда как воины Мрака стремятся не допустить этого, сохранить мир Смешения как область своего завоевания. Таким образом, согласно манихейству в человеческом обществе силы Света и Мрака ведут непрерывную борьбу за обладание светлыми частицами души человеческой.

По представлениям манихеев земной мир был создан для того, чтобы спасти частицы света, похищенные силами тьмы и заключенные в душе человека. В «Акты Архелая» сущность души заключается в интеллектуальных качествах человека. «Название же души следующее: разум, размышление, рассудок, мудрость, интеллект, смысл» (цит. Кац, 1955, с. 173).

В манихействе был очень развит астральный культ основных светил – Солнца и Луны – кораблей, созданных для спасения частиц Света. На пути спасения частиц света первым кораблем была Луна. «Когда же он (Свет – Т.К.) создал для спасения душ машину с двенадцатью сосудами, которая, обращаясь, подымает вверх души умерших. И взяв их лучами, великое светило очищает их и передает луне и, таким образом, наполняется круг луны» (Кац, 1955, с. 173). Так разворачиваются элементы космогонического мифа, несложно объясняются фазы луны. Одновременно эти представления тесно связывают

ся с учением о душе. На Луне происходит окончательное очищение души живой, которая затем в качественно возрожденном состоянии через Солнце поднимается к Свету. Солнцу и Луне поклонялись как идолам в виде антропоморфных изваяний. По этому поводу Абу Рейхан Бируни говорил, что к идолопоклонству «склоняется и Мани, когда говорит: «Люди /других/ религий порицают нас за то, что мы поклоняемся Солнцу и Луне и воздвигаем им изображения в качестве идолов, ибо они не ведают их подлинной сущности, а именно того, что они являются нашими путями и воротами в мир нашего бытия» (Бируни, 1963, с. 479).

Самые первые упоминания об Аргу-Таласе содержатся в тюрко-манихейской «Священной книге двух основ» (İki yǖltiz nom). Фрагменты этой «Книги» были обнаружены экспедицией А. фон Лекока в 1907 году в селении Караходжо (Турфанский оазис). Она была написана в Аргу-Таласе для того, «чтобы пробудить веру в стране десяти стрел» (Кляшторный, 1964, с. 131). «Книга» была посвящена правителю из чигиль-арсланов по имени Иль-тиргюг, алп-бургучан, алп-тархан (Henning, 1977, с. 552). Ее составление относится к первой четверти VIII века. Одним из тех, кто пользовался учением Света, был Арслан Менгю. В стране Аргу были установлены четыре манихейских храма в Чигиль-балыке, Кашу, Орду-кенте и Йигян-кенте (Klyashtornyi, 2000).

Следующее упоминание об Аргу относится к караханидскому периоду истории Казахстана и отмечено в замечательном труде Махмуда Кашгарского (XI в.). Именно в стране Аргу был возведена крепость Чигиль. Об этих событиях и местности Чигиль, находившемся на расстоянии «человеческого голоса от Таласа» (Волин, 1960, с. 81-82) Махмуд Кашгарский писал: «Когда Зу-л-Карнейн (Александр Македонский) дошел до страны Аргу, – пишет он, – тучи пролили потоки воды, и дорога стала грязной, отчего его постигли большие затруднения. Он сказал по-персидски: «Ин чи гиль аст?» что значит: «Что это за грязь, мы никак не избавимся от нее?!». И приказал возвести здесь постройку. И была построена эта крепость, которая теперь называется Чигиль... Потом те из тюрок, кто поселился в этой крепости, стали называться «чигиль». Позже это название распространилось... И называли тех, кто одевался по-чигильски, т.е. всех тюрок, живущих от Джейхуна до Верхнего Китая, чигиль, и это ошибка» (МКМ, 1, с. 374).

За внешне обыденным рассказом об основании города и народной этимологией слова «чигиль» кроется указание на важное положение доктрины. В манихействе грязь – это материальный элемент (в том числе, человеческая плоть) всякого творения в обла-

сти смешения Света и Мрака. Стремление к «избавлению от грязи» подразумевает освобождение души Живой из уз Материи, от грязи, оскверняющей чистоту Света. Постоянное очищение от грязи Материи и Мрака составляет содержание всего процесса вознесения души (главным образом, души избранника) к царству Света, который в других текстах назван Йол-Тенгри (Зуев, 2004, с. 3-5). В другом также манихейском по содержанию рассказе Махмуда о Черном предводителе Шу говорилось, что у него был «отряд» из сорока юношей-«разведчиков». Число 40 по-персидски обозначалось словом *čihil*. Возможно, такого значение слова *čigil* и в тюркской среде. Чигильскую манеру одеваться, т.е. носить долгополую одежду (*uzun tonlu*) по мнению Дж. П. Асмуссена было тюркским названием всех манихейцев (Asmussen, 1965, с. 219). В доказательство этому следует вспомнить слова юношей – манихеев из покаянной молитвы «Хуастуанифт» «Так как мы в прежнем существовании и в этом /своем/ существовании, будучи сами молодыми людьми в длиннополых одеждах (*uzun tonlu*), сколько мы ошибались и грешили...» (стк. 111-112):.

Не менее красноречиво говорит о существовании манихейства сам термин «Аргу», часто присутствующий в манихейских текстах. Прилагательное «аргу» (*arγu*) этимологизируется на основе тохарского языка (тох. А *ārki*, тох. Б *arkwi*; отсюда тюрк. *arqıj*, *arqun*, *arxon*) со значениями «белый», «серебряный», «чистый» (Зуев, 1992, с. 36). В китайских летописях это слово воспроизводилось в значении «белый». Это следует из случая калькирования этого понятия, приведённого в труде Н. Я. Бичурина: «Кряж Небесных гор начинается в Кашгарском округе от Аргу-тага (горы Аргу)... китайцы называют их Белыми горами Бай-шань» (Бичурин, 1998, т. III, с. 44). Это тохарское заимствование омонимично тюркскому *arγu/arqı* «ущелье», поэтому название «страна Аргу» воспринималось исследователями как «страна с долинами между гор» или «страна, изрезанная ущельями» (МКМ, I, с. 127, IV, с. 31). Между тем такое его понимание едва ли применимо к манихейскому Аргу-Таласу или к манихейским чистым земле и небу в выражении «аргунские земля и небо (*arqun yir tengri*) почему потом исчезнут?» (Хуастуанифт, стк.136-137).

Белый (~чистый, светлый) – основной цвет манихейства и его элементов: Белый отец, белый принц, белое племя, белое одеяние, белое облако, белый лотос и подобное, также как и Белый (~чистый, светлый) Талас. «Рассказывают, – говорится в манихейской «Книге притч», – что Белый отец, выбрав в трёх мирах своих против-

ников (по вере?), принудил их к покаянию и молитве...». По этому поводу С.Г. Кляшторный пишет: «Белый отец – не что иное, как aṅṅ dīntar «чистый священнослужитель» манихейской общины» (Кляшторный, 1991, с. 130). Страной учения Света (кит. Мин-цзяо) и была страна Аргу, расположенная на землях «от Баласагуна до Испиджаба» или «от Баласагуна до Тараза».

В прижизненной надписи Тоньюкука, знаменитого советника трех каганов восточных тюрков, употреблено слово аргу в форме Аркуй. Речь идет о страже Аркуй (тюрк. Arquu qaḡaḡu), которую возвысил Тоньюкук: «Я и в разведку посылал на дальние расстояния, Белую стражу (Arquu qaḡaḡu) я возвысил, я знал о приближении угрожавших нам врагов» (Тон. 53). Согласно учению, стражи Света были поставлены на границах Света и Мрака, это пять воинов-тенгри Первого человека (Кефалайя, 30. 25-36). Стража Аркуй в надписи Тоньюкука отражает манихейский образ страны Света Аргу. Образ стражи Аркуй напоминает образ славных воинов-чериков, в стране которых, Аргу-Таласе, была закончена работа над колофоном «Священной книги двух основ». Именно отсюда среднеазиатское манихейство получило свое распространение в землях восточных тюрков, и затем было принято в качестве официальной религии в Уйгурском каганате.

Помимо фрагментов письменных источников о существовании манихейства и его отношении к Аргу-Таласу, и сообщений из «Словаря» Махмуда Кашгарского, имеется также ряд археологических находок в местности древнего Таласа (ныне этот город носит название Тараз, а в советский период был Джамбулом).

В 1957 году в Джамбуле в районе так называемого «Мучного рынка» в ходе строительных работ были вскрыты участки культурных слоев средневекового Таласа. Среди находок были обнаружены изящно изготовленные предметы, связанные с религиозными представлениями населения. Находки эти представлены крышками оссуариев с человеческими головками, отпечатками штампов на хумах с изображениями собак, козлов и львов, с луной и солнцем, обломки столиков (дастарханов) с богатыми растительными узорами, медальон с изображением женщины, на шее у которой ожерелье из круглых бус, в нижней части скрепленное миниатюрной подделкой в форме лунного серпа и другие предметы (Сенигова, 1960, с. 97-101). Все эти предметы связаны с манихейским верованием. Во-первых, рассмотрим скульптуру льва. Образ льва и дракона фигурирует в «Кефалайя» и обозначает силы Тьмы, которые сражаются за обладание миром людей:

«Царь Дыма, пришедший из глубины тёмной; он же вождь всего зла и всей злобы. От него пошла начало и замысел войны, а также все битвы, борения, опасности, сражения... Он начал воевать со Светом, затеял войну с царством возвышенным. Что до царя Мрака, то у него пять форм: голова, как у льва..., туловище, как у дракона» (Кефалайя, 30, стк. 25-36). В отчете Валентина Меченосца, прибывшего из Константинополя в 576 году к западным тюркам через Талас говорится: «Посольство достигло того края, где были военные знаки Турксанфа, одного из князей туркских, который приезжающим в эту страну попадает навстречу прежде других. Старейший же единоподержец туркский называется Арсила». Этот византийский источник хронологически первое письменное упоминание области Талас и манихейского по содержанию имени-сана Арслан, носитель которого олицетворял собой средоточие духовной и светской власти. (Менандр, 1861, I, с. 370-375, 380, 416-422). Лев не был известен в фауне Семиречья и большей части Центральной Азии. Северо-восточным пределом обитания персидского льва был Согд (Лившиц, 1987, с. 55). Поэтому наиболее ранним его обозначением в тюркских языках было среднеперсидское шир/шер. Его собственно тюркское название арслан (Севортыян, 1974, с. 177— 179) было вторичным, несмотря на сравнительно раннее (VI в.) его упоминание в письменных источниках. На первых порах они сосуществовали, как это имеет место и поныне. В «Изначальной черепахе императорской библиотеки» под 644 г. имеется первое китайское сообщение о карлуках, которые названы в источнике ши-гэлолу, т.е. шир-карлуки (Зуев, 2002, с. 215). Обозначение термина шир/шер встречается в тексте надписи Кюли-Чору (стк. 21). В надписи говорится о трехлетней войне между тюрками и карлуками (709-711 гг.). Предводитель карлуков носил титул шир-иркин. Дж. Клоусон и Э. Трыярский отмечали, что термин «шир» может быть идентифицирован с центральным словом в тексте надписи Тоньюкука «тюрк-шир будун» (Тон, 3, 11, 61) (Clauson, Tryjarski, с. 19; Hayashi, Osawa, 1999, с. 152). В одном из документов «Полного собрания документов династии Тан» сообщается, что асалань сыцзинь, т.е. Арслан-иркин добивался танского подданства. К монгольскому времени относится сообщение о карлуком предводителе Арслан-хане (Зуев, 2002, с. 215). Вероятно, что для карлуков титул арслан или шир был традиционным. Описанный Гильомом де Рубруком манихейский храм в столице карлуков Каялыке имеет прямое отношение к рассматриваемому образу льва и пониманию его именно как манихейского символа (Байпаков, Терновая, 2002, с. 33-35). Совершенно не случайным представляется ожесточенное сопротивление карлуков распространению ислама. Образование династии Караханидов связано с автохтонным населением Карлуцкого каганата, с племенами яг-

ма, чигиль, тухси, карлук, аз. Власть в государстве была поделена между знатью двух племен – чигиль и ягма, которые составляли ядро карлуков. Имя-титул арслан долгое время сохраняется в титулатуре правителей этих государств (Энциклопедия, 2002).

Следующий образ – это медальон с изображением женской головки. Шея свободна от одежды, на ней ожерелье, скрепленное в нижней части миниатюрной поделкой в форме лунного серпа, обращенного концами вниз. Всё изображение снизу окаймлено большим лунным серпом. Сам же лук, равно как согнутый палец, ребро, образы которых у многих народов древности символизировали нарождающуюся луну (месяц). Мы уже говорили о важном значении Луны в манихействе. В одной из турфанских фресок сам Мани в окружении святых изображен в образе божества полнолуния (Топоров, 1992, рис. на с. 104). Бог Луны обладал неотъемлемым свойством богов – «мудрым знанием». Он был властелином, воскрешающим мёртвых. Он требовал покаяния: «В каждый день бога Луны (*aj tengri*), чтобы освободиться от грехов наших и пороков наших перед богом, писанием *{nom}* и перед чистыми священнослужителями, нужно было каяться» (Хуастуанифт, с. 183-185). Безусловно, что таласский медальон обозначал богиню Луны.

В отмеченном выше медальоне важна и наполнена глубоким смыслом каждая деталь. В их числе ожерелье на открытой шее богини. В персидской поэзии чистота и совершенство нередко сравнивались с россыпью драгоценного жемчужного ожерелья, посылающего дождь Плеяд. В манихейском учении жемчуг считался воплощением совершенной чистоты Света, к достижению которой стремится душа праведника. Ввиду важности текста, приведём рассказ об этом, вложенный в уста Светоча по коптскому трактату. Каплевидные жемчужины «великой цены» происходят от капель дождя, падающих в море. Одеждой им служит скорлупа, напоминающая своим цветом прибрежную пену морской волны («а скорлупа бывает из пены»). Жемчуг созревает лишь в определённых местах моря и в назначенное время, известное ныряльщикам. «Ныряльщики знают его, - и они ловят их: плавают, ныряют в тех местах и выносят жемчужину вверх из глубины морской... Ныряльщики отдают их купцам, а купцы отдают царям и знатным людям. Такова, подобно этому, и святая церковь, собирающая от Души живой (т.е. пяти светлых стихий, сынов Первочеловека, связанных после Смешения тёмными стихиями в материальном мире): она собирается, возносится, поднимается из моря и помещается во плоти человеческой; плоть же человеческая подобна пене и скорлупе. А поднятая вверх добыча подобна капле дождя, тогда как Апостол (т.е. основатель ис-

тинной веры, эманация Разума света) подобен ныряльщику; купцы - это Светила небесные (Солнце и Луна), цари и знатные люди – это зоны Величия (т.е. бесчисленное множество светлых миров, населенных божествами). Ибо всем душам, которые восходят в плоть человеческую, а потом освобождаются и возносятся к великим зонам Света (т.е. в Рай)... Вы же, мои возлюбленные, должны всячески стремиться стать жемчужинами добрыми и достаться небу через Ныряльщика светлого. Он приведёт вас к старшине купцов» (Кефалайа, 204, стк. 1-20).

По свидетельству современников, Мани был выдающимся художником. Многие положения доктрины были изложены им не только письменно, но и проиллюстрированы кистью непревзойдённого художника в виде миниатюр по ходу изложения в текстах его книг. С тех пор живопись стала обязательным и отличительным атрибутом манихейства. Она играла не только эстетическую, но и наглядно воспитательную и большую пропагандистскую роль. Такова наполненная содержанием живопись манихейской галереи в Турфане. С этих же позиций можно рассмотреть таласскую живопись с растительным мотивом, сквозным в манихействе. Изображение креста со стилизованными растительными символами в его створах на керамических плитках настенной облицовки в Таласе – это манихейский крест Света. В первую очередь он содержится в растениях. Это стихии Света, распятые и связанные в материальном мире. Падающая виноградная гроздь отражает одно из состояний манихейского дракона, о чём говорится в «Кефалайа»: «Есть ещё одна особенность у царя тёмных; когда ему угодно ходить, он вытягивает свои конечности и ходит, а когда ему вздумается, втягивает свои конечности, вбирает их в себя, соединяет друг с другом и падает вниз, подобно виноградной грозди» (стк. 14-18, 30).

Таким образом, в стране Света Аргу-Таласе сосредотачиваются манихейские образы и символы, имеются письменные свидетельства и археологические находки, они говорят об особом месте страны Аргу в истории средневекового Казахстана и Центральной Азии в целом.

Список сокращений

ВДИ – Вестник древней истории.

Тон – стела Тоньюкука из урочища Боин-Цокто, Монголия.

МКМ – Махмуд Кашгарий. Туркий сўзлар девони (Девони луготит турк). Т. I-III, Ташкент, 1960-1963.

СА - Советская археология.

СТ – Советская тюркология.

ТИ – Тюркологические исследования.

Литература

1. Акишев, 1967 - Акишев К.А. Археология в Казахстане за советский период. – СА, 1967, № 4
2. Asmussen, 1965 – Asmussen J.P. Xuastuanift. Studies in Manichaeism. Copenhagen, 1965.
3. Байпаков, Терновоя, 2002 – Байпаков К.М. Терновоя Г.А. Сведения о манихейском храме Каялыка. // Культурное наследие Южного Казахстана. Шымкент, 2002.
4. Бируни, 1957 – Абу Рейхан Бируни. Памятники минувших поколений. – Избранные произведения. Т. I, Ташкент, 1957.
5. Бируни, 1963 – Абу Рейхан Бируни. Памятники минувших поколений. Т. II, Ташкент, 1963.
6. Бичурин, 1998 – Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. III, Алматы, 1998.
7. Clark, 1998 – Clark L. The Turkic Manichaean Literature. 1998.
8. Clauson, Tryjarski, 1971 – Clauson G., Tryjarski Ed. The inscription at Ikhe Khushotu. - Rocznik Orientaliszn. Т. 34, z. 1, 1971.
9. Волин, 1960 – Волин С. Сведения арабских источников IX-XVI вв. о долине реки Талас и смежных районах. – Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР, т.8. Алма-Ата, 1960
10. Габен, 1986 - А. фон Габен. Древнетюркская литература. – Зарубежная тюркология. Вып. I, М., 1986.
11. Дьяконов, 1954 – Дьяконов М.М. Живопись древнего Пенджикента. М., 1954.
12. Зуев, 1992 – Зуев Ю.А. Этнокультурные связи ранних кимеков – Известия АН РК, 1992, № 5.
13. Зуев, 1998 – Зуев Ю.А. О формах этносоциальной организации кочевых народов Центральной Азии в древности и средневековье: пестрая орда, сотня (сравнительно-типологическое исследование). – Военное искусство кочевников Центральной Азии и Казахстана. Алматы, 1998.
14. Зуев, 2002 – Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы. 2002.
15. Зуев, 2004 – Зуев Ю.А. Манихейское святилище под Таразом // Известия МОН РК, 2004, № 4.
16. Зуев, Торланбаева, 2002 – Зуев Ю.А., Торланбаева К.У. Манихейство и Талас (к интерпретации древнетюркских надписей). // Тамыр. – Алматы, 2002, № 1 (6).
17. Камалов, 2001 – Камалов А.К. Древние уйгуры VIII-IX вв. Алматы, 2001.

18. Кляшторный, 1992 – Кляшторный С.Г. Памятники древнетюркской письменности. – Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Гл. 10, М., 1992.
19. Камалов, 2001 – Камалов А.К. Древние уйгуры VIII-IX вв. Алматы, 2001.
20. Кац, 1955 – Кац А.Л. Манихейство в Римской Империи по данным Acta Archelai. – ВДИ, 1955, № 3.
21. «Кефалайя» – Кефалайя («Главы»). Коптский манихейский трактат. Пер. с коптского, исследование, комментарий, глоссарий и указатель Е.Б. Смагиной. М., 1998.
22. Кляшторный, 1964 – Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964.
23. Кляшторный, 1991 – Кляшторный С.Г. Суджинская надпись - уникальный памятник эпохи «Кыргызского великодержавия» – Источники по средневековой истории Кыргызстана и сопредельных областей Средней и Центральной Азии. Бишкек, 1991.
24. Klyashtornyi, 2000 – Klyashtornyi S.G. Manichaean Monasteries in the Land of Arghu // Studia Manichaica. Berlin, 2000
25. Кляшторный, 1980 – Кляшторный С. Г. Терхинская надпись – СТ, 1980, № 3.
26. Кызласов, 1998 – Кызласов Л.Р. Северное манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии. – Вестник Московского университета. Серия 8. История.. 1998, № 3.
27. Кызласов, 1999 – Кызласов Л.Р. Открытие государственной религии древних хакасов. Москва-Абакан, 1999.
28. Литвинийкий, Смагина, 1992 – Литвинский Б.А., Смагина Е.Б. Манихейство. - Восточный Туркестан в древности и средневековье. М., 1992.
29. Лившиц, 1987 – Лившиц В.А. Согдийские документы из Самарканда. – Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. М., 1987.
30. Луконин, 1969 – Луконин В.Г. Культура Сасанидского Ирана. М., 1969.
31. Малов, 1950 – Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности, М., Л., 1950.
32. Менандр, 1861 – Менандр. Продолжение истории Агафьевой. – Византийские историки. Пер. с греч. С. Дестуниса, Спб., 1861.
33. Севортян, 1974 – Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М., 1974.
34. Сенигова, 1960 – Сенигова Т.Н. Иконографическое изображение из Тараза – Известия АН КазССР. Серия металлургии, обогащения и огнеупоров. Вып. 3, Алма-Ата, 1960.
35. Топоров, 1981 – Топоров В.Н. Об иранском влиянии в мифологиях народов Сибири и Центральной Азии. – Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. (История и культура). М., 1981.
36. Хуастуанифт – «Хуастуанифт». Введение, текст, перевод Л.Н. Дмитриевой –М., Л., 1963.
37. Hayashi, Ōsawa, 1999 – Hayashi T., Ōsawa T. Site of Ikh-Khoshoot and K̄li-Ior Inscription. – Historico-philological Survey on the Inscriptions and Monuments Luring the Ḡuk-T̄yrk, Uyghur, Mongol Empires. Tokyo, 1999, v. 11, f. 3.
38. Henning, 1977 – Henning. W.B. Argi and the «Tokharians». – Selected papers. Lieden, 1977.
39. Энциклопедия, 2002 – The Turks. Vol, I. Ankara, 2002.